

Но Янь Янь не закончил:

— Он еще сказал, что в течение этого месяца будет хорошо делать домашнее задание, не будет тебя злить, и не будет трясти ногой за столом.

Шао Ицянь:

— ...

Откровенная месть, черт возьми!

Бабушка Шао, сидя сверху, прекрасно видела все эти мелкие интриги в их головах, и не могла не улыбнуться.

Мытьё ног заняло около получаса, и, только закончив, Шао Ицянь осмелился поднять голову и, с серьезным видом, посмотрел в глаза бабушке, стараясь говорить осторожно:

— Бабуль, не злись, а то твое лицо уже сморщилось, как тряпка для вытирания ног.

Его глаза блестели, и в его взгляде не было никакой осторожности или желания успокоить, а скорее откровенная наглость, основанная на уверенности в безнаказанности, которая, однако, вызывала лишь улыбку.

Может, стоит раньше отдать его на волю жизни?

Бабушка Шао подумала, что, возможно, пришло время объяснить Шао Ицяню, этому бесшабашному ребенку, некоторые так называемые великие истины.

Она надела тапочки и повернулась:

— Идите за мной.

На заднем дворе дома Шао был маленький домик, который всегда был заперт. У этого домика не было окон, только узкая дверь, открывающаяся в одну сторону.

Рядом с домиком летом хранили арбузы.

Запертое место всегда вызывает больше всего любопытства, и Шао Ицянь, в девяти случаях из десяти, когда он воровал арбузы, хотел открыть эту дверь и заглянуть внутрь. Но семья относилась к этому месту с такой таинственностью, что ему никогда не удавалось это сделать.

По дороге его любопытство просто кипело. Он чесал за ухом, желая узнать, что находится в этом домике и зачем бабушка привела их сюда.

Как только дверь домика открылась, внутри поднялось облако пыли, словно открылся какой-то таинственный мир, долгое время изолированный от внешнего мира, вызывающий благоговение и в то же время желание.

Трое вошли внутрь, и бабушка Шао закрыла дверь за ними.

Внутри стоял запах сырости и плесени, который, словно прилипчивая личинка, окутывал их, вызывая странное чувство тревоги, тяжелое и невыразимое.

Затем... щелк — загорелся свет. В центре комнаты стоял... самый простой гроб. Точнее, это был

еще не законченный гроб, без покраски.

Кроме этого, в тесной комнате больше ничего не было. Освещение было старым, с низкой мощностью, и тусклый оранжевый свет создавал атмосферу, в которой эту комнату можно было без изменений сдать в аренду для съемок «Человека против зомби».

— Мяу!

Пес, который незаметно прокрался следом за ними, полностью взъерошился, превратившись в пушистый комок, и в несколько прыжков оказался на плече Янь Яня, устроившись у него на шее.

...Будучи настоящим представителем планеты кошек, который только ел и спал, он, увидев гроб, эту вещь, свойственную людям, все же испугался. Это было довольно странно. Ведь «кошка в гробу» — это такое же редкое явление, как «сын, бьющий отца».

Шао Ицянъ вскрикнул и тут же замер на месте, а холодный пот потек по его щекам. Он отступил на несколько шагов и вжался в дверь, пальцы судорожно вцепились в узкую щель.

Реакция Янь Яня была еще более прямой — он наклонился и его вырвало. Наклон был настолько резким, что Пес, сидевший у него на плече, не успел среагировать, его тормозная система не сработала, и он соскользнул на пол, приняв позу децеребрационной ригидности — хвост вверх, голова назад, лапы вытянуты, позвоночник жесткий, как стрела. Одним словом, Пес был так напуган, что у него отключился мозг.

Бабушка Шао спокойно подошла к подставке гроба и встала рядом, сухие руки легли на край гроба, она погладила его, давая двум людям и одному коту время прийти в себя.

— Шао Ицянъ, я просто хочу спросить тебя: кто дал тебе право указывать на учителя пальцем и говорить: «Ты кто такая?» Кто она такая, и кто ты такой? Что ты умеешь? Что у тебя есть?

Шао Ицянъ изо всех сил стиснул зубы, не желая, чтобы звук их стука услышал кто-то еще, но он совершенно не мог этого сделать — визуальный удар был слишком сильным, далеко выходящим за пределы того, что он мог вынести, — ведь в мире нет ничего, что могло бы вызвать страх перед смертью сильнее, чем гроб. Даже сама смерть не может сравниться с этим.

Чужой гроб заставляет погрузиться в невыразимую печаль, а свой собственный гроб повергает в страх перед тем, что жизнь вот-вот закончится.

Гроб — это дверь от жизни к смерти.

Услышав вопрос бабушки, он сначала замер, немного пришел в себя и только потом сказал:

— Эта женщина первой начала говорить неправильно, я сначала не собирался...

— И что? С точки зрения справедливости, она первая сказала злые слова, и ты ответил?

— Она явно нас презирала.

— А она сказала неправду? Что в тебе есть такого, чем можно гордиться? Ты можешь говорить лучше неё? Прежде чем раздавить муравья, ты сначала думаешь о справедливости?

Шао Ицянъ запнулся, ему казалось, что эти слова сильно отличаются от его понимания, но

если внимательно разобрать их по частям, то каждое предложение попадало в точку. Эти слова, хотя и были дикими и холодными, казались, действительно верными.

Он не мог не засомневаться: если это так, то откуда у него такая смелость, чтобы наезжать на других и орать?

— Ты просто пользуешься тем, что мы есть. Какими бы ни были последствия, ты можешь просто отмахнуться, потому что если ты не можешь справиться, за нами стоит вся эта большая семья, чтобы вытирать тебе задницу и разгребать твои завалы. Что ты умеешь? Ты просто опираешься на нас.

Шао Ицян инстинктивно хотел возразить, но слова не успели вылететь из горла, звук сам по себе исчез, так как смелости для возражения было недостаточно.

— Потому что мы свои, мы не сделаем с тобой ничего плохого и не можем сделать, в худшем случае просто отлуплю, и поэтому, прежде чем устроить какую-нибудь историю, ты переживаешь только о том, как сильно мы тебя отлупаем? А теперь тебе уже и это безразлично.

Бабушка Шао вздохнула, её тон тут же смягчился, стал низким и мягким, похожим на древнее заклинание, слово за словом втекая в уши.

— Но мы умрем. Когда у тебя не останется ни одного родственника, на кого ты сможешь рассчитывать, чтобы он прикрыл твою спину? Кто каждый раз будет отмерять силу и наставлять тебя на путь истинный, делая это с такой осторожностью?

— Я умру, дедушка тоже умрет, папа, мама — все так же умрут. Ты никогда не догадаешься, когда, вернувшись из школы, ты найдешь меня уже лежащей здесь.

Как только эти слова упали, вес их был невелик, но они принесли временное молчание.

Шао Ицян с трудом произнес:

— Бабуль, не пугай меня, это совсем не смешно.

Бабушка Шао постучала пальцем по гробу:

— Когда я была еще моложе тебя, я с моей мамой, то есть твоей прабабушкой, участвовала в нескольких полевых медицинских группах на фронте. А ты знаешь, как погибла твоя прабабушка?

— Шла ночью по дороге и попала в болото, не смогла выбраться. Не ожидаешь?

— Мало кто может умереть достойным образом. В определенное время ты поймешь, что умереть своей смертью — довольно трудно. Поэтому, в моем возрасте, на самом деле, каждый день, который я живу, я рискую не увидеть, как ты вырастешь в безопасности. Я не могу быть твоей опорой вечно.

Шао Ицян беспорядочно обвел взглядом комнату, а затем начал слегка мотать головой. Невидимые и неосозаемые кандалы крепко стянули его конечности, а затем еще и сдавили горло, заставляя его дышать глубже и быстрее, не осознавая этого.

Он пошатнулся вперед несколько шагов, добрался до ног бабушки Шао, поднял голову, пытается

поймать знакомый взгляд, но никто не ответил ему. Он мог лишь тщетно протянуть руки и потянуть за подол одежды бабушки Шао, но это не принесло никакой пользы, эти чуждые и реальные ощущения по-прежнему следовали за ним, как тень.

Бабушка Шао опустила свои толстые веки, скрыла все выплеснувшиеся наружу эмоции и равнодушно сказала:

— То, что ты говоришь, может быть правдой, возможно, тот учитель и правда морочил вам головы, но у тебя нет капитала, чтобы обвинять её. Как бы она ни была неправа, это не твое дело говорить. А я говорю, что ты ошибся, не потому, что твои слова были неправильными, а потому, что твоя коренная позиция была неправильной, понял?

— Я надеюсь, однажды увидеть, как ты стоишь на своих собственных ногах, указываешь ей на нос и говоришь: «Ты кто такая, блядь?», даже если за твоей спиной пусто.

<http://bllate.org/book/16843/1549622>